

Автор Валерия Кирсанова

Книга «Небесная родня»

АДАМ И ЕВА

ОН усыпал меня в летний погожий день,
Прямо под «яблоней», новое было имя.
Помню, на веки нашла голубая тень,
Я посмотрел: невысокая, стан осиный,
Груди как яблоки, спелый, крутой налив,
Сочные губы и волосы мягкой пряжей.
Бок с пустотою внутри застонал, заныл:
"Как же я буду с такой красотою, как же..."
Дева слегка улыбнулась и вдоль легла,
Сразу заполнив все выемки, все изгибы -
Ева, любимая, радость моя, погибель,
Общая плоть отзывалась, ласкала, жгла...

После по саду водил, отгибая ветви,
Чтоб не царапнули, не отхлестали вслед.
А за спиной рой неясных грядущих бед
Тихо жужжал на медовых лучах рассвета.

ПЕРВЫЙ

Хлопья снега такие крупные,
Лупят и лупят, Авель стрижет овец...
Отец! эти белые облака
Стали стадом младшего сына?
Мой любимый лежит под листвой пока...

Я не верю, но очень страшно,
Каин молча идет по пашне,
Эти хлопья и резкий холод
Ниоткуда, наш Авель молод,
Он не мог умереть!

Всю ночь
Ева бьется в объятьях мужа –
Он пытается ей помочь,
Растопить ледяную стужу;
И морозном в ознобе, вчуже,
Гордый Каин уходит прочь.

КАИН

Опять земля трясется под ногами,
Не знаю я, зачем иду вперед.
Куда идти, когда отмечен род
Убийством? Драгоценный Авель...
Ни смерть твоя, ни пролитая кровь
Не изменила нечто между нами -
Завистливо я чувствую любовь,
Отмеренную брату небесами.

Внутри весы качаются все злей.
Пускай снаружи грозы или смерчи,
Я взвешиваю, кто Ему милей -
И каждый раз оказываюсь легче.

НОЙ

Моя голубка, выпорхнув из гнезда,
Не возвращайся назад без оливковой ветки в
клюве.

Здесь же ландшафт неизменный – вода, вода.
Хляби небесные спрятали твердь земную.

Сколько болтаться, скажи мне, что есть земля:
Травы, растения, твердое под ногами!
Чтобы не спрашивать, сколько сейчас до дна,
Алчную бездну, которая ждет под нами.

Если же ты не вернешься... Я буду знать,
Что хорошо на земле, где ты нежиши перья.
Радугой в небе и радостью в подреберье
Бог говорит, что помилует нас опять.

РЕВЕККА

Который день земля плывет, шуршит,
Ссыпается под тяжестью верблюда,
Оторванное больше не болит,
А этот путь вовек не позабуду.

Его лицо, которое потом
Склоняться будет ночью надо мною,
Мелькает неоформленным пятном,
Меж туч сияет ясною луною.

Мне слуги говорят, что он красив,
В руках его отца поводья власти...
Я чувствую начало сильной страсти,
Как-будто я в реке и нету сил
Ни вплавь себе помочь, ни прыгнуть в лодку;
Но и не тонешь, словно ты – листок,
Плыешь себе, доверчивый и легкий,
А под тобою пенится поток!

Проходят так часы, потом недели,
Комфорт и безопасность не нужны,
Пока плывем мы вместе к тайной цели
Упрямой неприрученной волны
Скорей к тебе, заранее любимый,
Так выбрал Бог и я согласна с Ним.

Пылает солнце словно серафим,
И я пылаю, обретая силы
На то, чтоб подниматься вновь и вновь,
На нежность терпеливую, на роды:
От наших сыновей пойдут народы,
Которые не будут тратить кровь
На жертвенные идолы. Мой Бог,
Спаси меня от призрачных дорог,
Пускай приходит радость через боль -
Благослови Ревеку на любовь

«Пошли сыны Израилевы среди моря по суще...
воды же были им стеною по правую и по левую
сторону" Исход 14:21-30

Пока мосты еще не сведены,
Пока не сбились водяные глыбы,
Поскальзываясь на уснувших рыбах,
Идут по дну вчерашние рабы.

О, море Чёрное, покорливое Богу,
Как мы малы и верим понемногу,
Не видим ни столпа, ни зов судьбы...
И страшно перейти в другие земли,
Отбросив цепи, сладкую еду,
Которую вкушали на беду,
Вести с собою сорванные семьи...

Но столп горит, затмив сиянье дня...
Непознанный, поверил Ты в меня,
Любви посеяв золотое семя.

МОИСЕЙ

Кто б двинул за тобою, Моисей,
Когда бы знал, что сорок лет – в пустыне?
Что вместе с рабством отвергает ныне
Всю сладость плодоносную земли,
Что столько бесконечных жарких дней
Глаз будет уставать от горизонта,
Что сколько небо в жажде не молить,
Лиши облако из северного фронта
Набросит тень... Горячая слеза
Летит с ресниц на перепелок груду:
Да, Божий человек и чудеса—
Но, Господи, один песок повсюду...
Так сорок лет пройдут, пока душа
Забудет о широкой глади Нила,
Плеск волн тугих и шепот камыша,
Чужих богов, которых там любила.
Оставив свои ветхие надежды,
Вынашивает сердце новый плод.
И ждет Господь, пока его народ
Родит одних и похоронит прежних.

Ты потревожил умерших, Саул,
Чтоб выпытать у будущего тайны,
Но Божий гнев меняет очертанья
Твоей судьбы. Вели собрать баул,
И жди у входа. Ты уже - покойник.
Пусть сердце задыхается, частит,
Отсчитывая краткий срок неровно -
Смерть нависает словно сталактит,
И щёку льдом нездешним холодит,
Но царь не станет ждать её покорно.

Последний бой, который всё решит -
Отдать Давиду царство, не ревнуя,
Взойти к вершине гордого Гелвуя
И пасть на меч, отбросив страх и щит.

.....

Сын мой Авессалом, сын мой!
....Кто дал бы мне умереть вместо тебя!
(2Цар. 18:33)

Авессалом запутался в ветвях.
Прекраснейшие волосы на свете...
Зачем ты не состриг их в этот раз?!
И опустились руки словно плети.

Муж совершенный, с головы до пят,
Висит как мясо на крюке... Любимый
Авессалом в чужом лесу распят,
В сетях волос, в дубах Маханаима
Качается... открой глаза, сынок,
Бездонные, как небо над тобою, -
О, если б за тебя уснуть я мог!
Но царское царю, а не земное.

Тебе приснится поле с ячменем,
Сожженное однажды летним днем...

ИЕЗАВЕЛЬ

Она царица с золотою чашей.
Под шелком чуть раздвинуты колени,
Горячий запах похоти и лени
Вдыхает мальчик. Все сильнее, чаще
Вскипает кровь, стучит в висках набатом...
Царица смотрит, словно заплзая
Все глубже в череп – все сейчас узнает
И вскоре будет страшная расплата.
Неужто и она была моложе,
Боялась и робела как другие,
Волненье ручейком текло по коже,
Дрожали украшенья золотые,
Пока властитель брал за подбородок,
Тянул лицо к своим заплывшим чреслам...
Неужто было ей темно и тесно
В его объятиях? Нынче, при народе,
Она усталой красотой блестает
И тычет в небо острою короной,
Как будто всем всегда напоминает,
Что власть не терпит малого урона,
Тем более большого. В этом смысл
Ее усилий, в сласти своееволья
Она пьянеет. Мысли, птицы-мысли
Проносятся – и все, и тишина.
Пока летит царица из окна,
Облитая вином и теплой кровью.

ЕСФИРЬ

В драгоценных одеждах иду по двору,
Если царь не помилует нас – я умру.
Тонкой шелковой нитью задушат меня,
Я шагаю на смерть, ожерельем звения.
На супружеском ложе слугою был он,
С влажных губ забирал незаконченный стон,
Засыпал, прикорнув у меня на груди...
Через шаг повторяю: «Не бойся, иди!»

Я - царица, одетая в белый виссон,
Я - жена, позабывшая пищу и сон.
Лишь на Бога надежда. Прошу, не молчи,
Твои милости словно на связке ключи,
Сколько было открытых Тобою ворот -
Бог незримый, спаси свой несчастный народ!

Вижу бледные лица придворных и слуг,
Что-то шепчут их губы, но выключен слух.
Вижу трон, и любимого с кубком в руках...
Вместе с выдохом вдруг испаряется страх.

И от хлынувших слез по щекам горячо -
Царский скипетр падает мне на плечо.

ВХОЖДЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ ВО ХРАМ

Еще одна ступенька, моя детка.
Давай же, поднимай скорее ногу.
К концу подходит долгая дорога,
Смотри, засохла пальмовая ветка,
Которую мы взяли. Ну, идем.
(О Боже, мое сердце разорвется)
Сейчас расстаться, доченька, придется,
Ты обретаешь новый, лучший дом:
Здесь учат и молитвам, и шитью,
Ты будешь в храме чистой голубицей.
(А вдруг обидит девочку мою
Учитель строгий?! Или будет сниться
Ей мама, только я не подойду,
Не обниму малышку, не согрею...
О Боже, я расстаться не сумею!
Я старая, пойми меня, молю,
Обет давали мы, дитя не зная!)

Смотри, Мария, вверх взлетает стая,
Давай же мы поднимемся скорей
Туда, повыше. Дочка, не робей.

СЕСТРА ЕЛИСАВЕТА.

Руки снуют как птицы
Кружат в волшебном танце,
Быстро мелькают спицы -
Это мое пространство.
Дождь за окном струится,
Только из всех мелодий
Слышу, как кровь сочится,
Черная кровь бесплодий.

Нет продолженья рода,
Муж потеряет имя.
Ропот идет в народе,
Что, мол, такое с ними,
Губит священник души,
Это проклятье свыше -
Если бесплодный служит
Бог никого не слышит!
Страхи, людские страсти,
Чуждые Божьей воли...
Сколько молитв и боли,
Годы надежд напрасных.
Раньше меня хватало -
Ждать каждый месяц чуда.
Я не могу, не буду,
Все начинать сначала.

Может, мое желанье
Бог посчитал ничтожным,
Может, нужны страданья,
Может быть, может...

Только внутри надежда
Вечно взывает к Богу!!!

Плохо, тошнит немного,
Верно, пирог несвежий
Съела вчера.

Как странно,
Муж не сказал ни слова
После молитвы в храме;
Переродился словно:
Взглядом, рукой ласкает,
Смотрит с такой любовью,
Нынче у изголовья
Вешал венок с цветами.

БЛАГОВЕЩЕНЬЕ

Прольется словно дождь шальной испуг,
Когда сгустится воздух, выйдет ангел
И лилию протянет Деве вдруг.

Он скажет невозможное словами,
Которые народы станут петь;
Нельзя отречься, сметь или не сметь,
Путь избранных отмечен небесами.

«Да будет мне по слову твоему», -
Ответит, замерев, отроковица.
А дальше – в гуттаперчевую тьму...

Но ангел с веткой часто станет снится.
А после сон, в котором ждет народ,
Когда священник вынесет им Чашу,
И каждый пьет, открыв по-птичи рот...

ВОЛХВЫ ИДУТ

Волхвы идут, а значит, всё в порядке:
Оплачены отпуск в жаркие края,
Где мандарины первозданно сладки,
Морские волны, томные мулатки -
Подальше от кровавого царя.

А здесь сухой песок швыряет ветер,
Летят мгновенья мимо, сквозь тебя,
И кажется, что ни за что на свете
Не будет найден призрачный уют.
Деревья по спине огреют плетью,
Крестом сплетая сучья там и тут.

Звезда висит игрушкой на вертепе,
Младенец тихо дышит у груди,
Распятья тень маячит впереди

РОЖДЕСТВО

Звезда ведёт к Младенцу, в небе тучи,
А так бы мы увидели её.

Погонщик-ветер, стадо-громадьё,
Рога, копыта, чей-то глаз блескучий,
Пойти бы вслед, да там такие кручи,
Уйдут, пока взберёшься, ё-моё.

Звезда ведёт к Младенцу, в небе тучи,
А так бы мы увидели её.

Гаспар, вы где? Глаз темнотой измучен.

Эй, Бальтазар, приятель Мельхиор!

Куда запропастились? До сих пор

Идёте или дар уже получен -

Сидите с Богом в радостном раю?

- Вручён ли дар?

- Получен, говорю.

ПРОРОЧИЦА АННА

Я так долго живу, что глаза мои стали блеклыми,
Поменяли зеленый на голубой застиранный,
Словно небо в полудне. Желания стали смирными,
Не кричат: «Исполняй!», не множатся злыми
ордами.

Прежде гибкие пальцы покрылись корою
старости,
Не работают больше. Но дух, устремленный к
Господу,
С каждым днем укрепляется, сердце гудит от
радости,
Как большое гнездо, где поют за работой осы.

Если Бог опаляет дыханьем эту голову,
Зажигает ее, словно факел покрытый жертвенник,
Я кричу Его волю, пылая огнем и золотом,
Я не помню себя, только счастье одно безмерное!

Мне известие было. Сегодня увижу Господа,
И руками дотронусь до тела Христа Спасителя.
Я боюсь ошибиться, дрожу, пот по телу россыпью,
Вдруг на миг разминемся? он взрослый? дитя с
родителем?

Опираясь на палку, бредет Симеон задумчиво,

Как всегда, сторонится скопленья людей, толпы.
Он идет к Мариам, что при храме жила, вот
случай то!
Родила, сорок дней, принесли голубей, цветы...

Симеон принимает младенца в пеленке на руки
И гудит на весь храм оглушительно, точно
колокол:
«Вижу свет к просвещению, славу людей Израиля!
Отпускаешь, Владыка, раба своего по слову Ты...»

Замер в церкви народ, я не вижу от слез,
Долгожданный родился - грядет Христос!

ЗАХАРИЯ И ИОАНН

Род Ааронов, Варахии сын,
Я знаю тебя. Много у нас таких,
Заколотых меж алтарем и жертвенником.
Звон переплавленных колоколов,
Ставших жерлами, ныне затих.

Тонкое дзынь - это поет тростник,
Тельце сухое в дырках сквозящих ран -
Вырвав коленце, ртом сирота приник...
Слушает лев, парит над мальцом орлан.

Помнишь дощечку с надписью "Иоанн"?

Вечность в пустыне, детство, целая вечность:
Только песок, акриды и дикий мёд...

Ваня, Иван, в речке крестил народ,
Встретился с Богом, после сидел в темнице;
Ирод-урод, надо же так напиться,
Чтобы пророку голову оторвать!

И подают, словно гуся на блюде,
Брата, Предтечу, жившее рядом чудо...
Чтоб не мешал веселиться, бесчестить, жратъ..

СВАДЬБА В КАННЕ

Наконец-то пришла весна,
На губах расцвели поцелуи,
Поцелуи в ночи без сна...
И зарос этот страх ошуйный
Белой ветреницей, травой,
Закрутился выонком печальным.
Оказалось, что неслучайным
Было все, что сбылось со мной:

Темный лес, сапоги из дряни,
Полнолунья горящий глаз;
Хлеб, который не сгрызть зубами,
Да и сытость всего на час.

А теперь и любовь, и счастье
В претворенном Тобой вине...
Только память горчит на дне.
Нынче в Канне особый праздник.

ХАНАНЕЯНКА

Столько дней я иду и кричу,
Я ору в уходящую спину:
«Ну, послушай меня!! Я хочуу...»
Обернулся, взглянул. Не подвинуть,

Не поднять этот взгляд, обо мне
Все узнавший до края, до точки.
Я прошу: «Исцели мою дочку».

Рот захлопнулся резко, как двери:
- Я спасаю того, кто мне верен.
Не бросаю хорошего пса,
Хотя это красивые звери.

В голове раздается там-там,
Я не чувствую боли как в драке:

- У детей доедают собаки!

И мгновенно, как утром в лесу,
Когда выглядит солнце внезапно,
Так мне стало легко и отрадно...

И лицо у Него озарилось:
- Мир тебе. Талифа исцелилась.

САМАРЯНКА

Каждый день я хожу за водой.
Но сегодня как праздник какой-то:
Пыльный ветер играет с травой,
Тихо звякают медные кольца,
На груди у меня перезвон.
Обхожу в самый зной полукругом,
Чтоб не встретить язвительных жен,
Не услышать их шепота: «Шлюха».
Эти женщины, задранный нос,
Самомненьем раздутые жабы!
Моя жизнь понеслась под откос,
Потому что мы люди, мы слабы.
Я осталась вдовой, что ж теперь?
Стать стеною, в скалу превратиться?
Мое сердце болит от потерь,
Чистота незабытая снится.

У колодца красивый еврей
«Дай мне пить», говорит. Что за диво?
Разговор начинаю смелей,
Испытать его, только все мимо,
И слова у меня как горох,
У него – словно масло и смирна.
Он пророк? Он Миссия? Он – Бог?!

Он - Тот Самый, Благой и Всесильный.

Так я пью торопливо, взахлеб,
Его речь, эту сладость прощенья;
Так пылает расплавленный лоб,
Невмешающий свет откровенья.

Вниз сбегаю, не чувствуя ног,
Сердце бьет бесконечную строчку:
«Это Бог, это Бог, это Бог!
И Он любит меня, это точно».

(новое) про 10 очистившихся

ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАЗАРЯ

Наш друг уснул, уже четыре дня
Спелёнатый, как в детстве, неподвижно
Лежит в пещере. Горестно звения,
Меж ритуальных склянок ветер свищет,
Вздыная струйкой золотую пыль...
Пронырливые корни фагнолона
Врастают в камень. Известняк остыл
Почти как пленник, что в холодном лоне
Ворочается, силясь расплести
Пахучий кокон... Лазарь тихо стонет,
Ведь надообно очнуться и пойти
На зов любви, всесильный, громкий, дерзкий,
Шагнуть, пытаясь вспомнить по пути,
Хоть слово, что-нибудь, по-арамейски.

.

ВХОД ХРИСТА В ИЕРУСАЛИМ.

Шофар, керен, йобел, карнай,
цимбалы, тамбурины,
Тебя восславили сполна
молодчики из глины.

А что душа? была душа,
по образу-подобью,
Никто не слышал ни шиша,
как выбивает дробью
Она тоскливыи свой наказ,
мол, отпустите, черти...

А те играют и свистят
на ошалевшей флейте!
В толпе, где шваркают цветы,
как бомбы, под копытца,

Бредет осленок, позади
молочная ослица.

Животным страшно, тяжело,
они сейчас с Тобою
Несут известности бревно
среди людского воя.

ПОЦЕЛУЙ ИУДЫ

Он сам не понял, как заговорил,
Пока сквозь пальцы миро утекало:
«От падшей девки, равви, не пристало...
Чем заработала? Скажи хотя бы слово!
А нам кормить убогих завтра надо».
Иисус на это кротко возразил,
Как Он один умел. Иуда снова
Почувствовал ничтожность и досаду.

Он вспомнил это у калитки сада.
Какая темень, высоты провал,
Лишь факелы сверкают на забралах...
И пот кровавый с привкусом металла,
Когда Мессию в щеку целовал.

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ТРИЖДЫ ПРОПОЕТ ПЕТУХ

Перед рассветом ночь, словно матрас, глуха.
Спать бы, да мне невмочь – пение петуха
Выманит сердце вновь... И ничего не дашь,
Чтоб успокоить боль, спрятать Твое: «Предаешь».

Господи, почему это стряслось со мной?!

Я ведь всегда хотел быть для Тебя стеной -
Спрятать, укрыть плащом, чтоб не пошел на
смерть...

Я не умел еще «не своего» хотеть.

Знал, что Спаситель, Бог, но не вмешал слова.
Ты говорил: «Убог, кто не забыл себя
Ради любви к Отцу». Как рыбаку понять?!

Я полюбил Тебя и не хотел терять.

Я до сих пор рыбак – просто кидаю сеть.
Сердце играет так, что сотрясает клеть;
Молча, без лишних слов, души людей ловлю.
Господи, твой улов. Я же Тебя люблю.

СТРАСТНОЙ ЧЕТВЕРГ

Сегодня птицы чистят в лужах перья -
Поверье есть, что надо всё отмыть.
Мы драим дом направо и налево:
Скоблить, перевирать Страстной четверг,
Стереть его мученья, пот кровавый,
И сладкий запах Гефсиманских роз
Засыпать хлоркой. Надо же всерьез
Хотеть, чтоб мы кресты свои носили...
Сейчас помоем всё, столы накроем
И станем есть, а Ты один виси.
Спаси не больно, без креста и в дамки,
Без этой драмы "быть или не быть".

А если вдруг Тебя во мне не станет?...

Прости меня, Единственный, прости...

.....

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА

Ей было пятнадцать, когда она стала мамой,

И сорок восемь, когда мы его распяли.

О, как все орали, как требовали расплаты!

Римская стража смотрела не видя, прямо.

Солнце топило, пот затекал под латы,

Люди в толпе накричались, спеклись, устали...

В темном дворце беспокоился прокуратор.

День не кончался, запели в траве цикады.

Вдруг темнота ниоткуда, холодный ветер,

Небо трещало, как будто оно порвалось...

Стража добила двоих, навалился вечер.

Все разошлись, а она у креста осталась.

СТРАСТНАЯ СУББОТА

Забери меня, Отче, из царства теней,
Тут темно и безрадостно, выжжено чувство,
Лишь нечёткие контуры бывших людей -
Нас так много, но, Господи, как же тут пусто!
Ни травинки, ни птички, задавленный стон -
Не поймёшь, кто издал, может, доброе эхо
Наши вздохи собрало, сплело в унисон,
Чтобы так мы общались в отсутствие смеха...

Забери меня, Боже, там свет и вода,
И деревья цветут в золотистом нисане,
На поверхность, прошу Тебя, всех и меня,
Ну а дальше - мы сами, мы сами...

Так Адам умоляет, вцепившись в подол,
Как дитя, за которым родитель пришёл.

ЖЕНЫ-МИРОНОСИЦЫ

В глухой тоске прошёл субботний день,
Затеплилась последняя свеча.
Еще не рассвело, предметы тень
Не отрастили. Женщины молчат,
Похоронив свой плач, они молчат.
Идут к Нему, но ни слезы, ни слова.
Верхушки трав касаются колен,
И серый камень пахнет словно тлен.

- Что ищете меж мертвыми живого?

О, светоносный ангел, вверх воздень
Светящиеся струи золотого
В пещере погребальной! Пусть сурово
Её убранство - наверху ступень,
Которую Он, новенький, здоровый,
Переступил, оставив смертный плен,
Отбросив ужас мытарства земного.

ЛИТУРГИЯ

Вино и хлеб как будто бы под нёбом,
На сурдопереводе звонари,
Руками объясняют о любви
На чистом и понятном колокольном.

Дин-дон, дин-дон, разрезан снова Он,
И льётся кровь в подставленную чашу,
И так пребудет до конца времён,
Пока не соберутся все из наших.

Глядит с икон небесная родня,
Простые, озабоченные лица,
И, видно, жаль им глупую меня,
Всё время проливающую масло,
И тратящую милости напрасно,
Как прошлые уснувшие девицы

Апостол Павел.

Развяжи глаза, Господи, я ослеп!
В круг глазниц оранжевых заключен,
Там нагретый солнцем горячий склеп.
Сердце гордое мечется точно член
Отчаянный... Не принимал добро,
Бился с тенью, время упрямо шло
Сквозь песок - я оставался пуст,
Как в пустыне скрюченный жаждой куст.
Лей же доверху, я не прошу глоток,
Сделай озером, лишь у Тебя приток.
Связан узами, скрыты приметы дня.
Боже узнанный, освободи меня!

САНТА КЛАУС И НИКОЛАЙ МИРЛИКИЙСКИЙ

Дядька с ватною бородой,
С висцеральным округлым брюшком,
Достает из мешка игрушку...
Где с тобой паралль, святой?!

Подвизался монахом в мире
Мирликийский сухой аскет,
Его кости сочатся миром
Бесконечную пропасть лет;
И реальность его чудес
Не вместить в новостные факты;
Его мощи как артефакты,
Отбивали в войну и без.

Как случилось, что эту мощь
Превратили в смешную байку?
Ездит дядька на таратайке
И сигает в камин как ерш.
Санки, полюс, олень, Дисней,
Толстый ряженый в странных позах.

Наши русские были честней,
Детям выдумав Деда Мороза.

МАТРОНУШКА.

Я говорю, что не мил белый свет,
Нет пути и решения, -
Ей, безногой с семнадцати лет,
И слепой от рождения.
А она подалась вперед,
Крестит меня и крестится:
«Живо карабкайся вверх по лестнице!»

Я открываю упрямый рот,
Но в руках перекладины
Лестницы, некогда голубой,
Стертой рукой старательной.
В небо уходит...Ну нет, постой,
Я же боюсь высоты!

И просыпаюсь. Прости, прости.
Ты объяснила просто.
Нет обходного у нас пути,
Лишь через тернии к звездам.

Встреча с Августой Клещевой

Ты пришла в мою жизнь, когда я омертвела от боли,

Смерть пустыми глазницами пялилась в долгую ночь...

Я почти не жалела свою пятилетнюю дочь,
Не хватало смиренья, простой человеческой воли...

Ты раскинула руки и приняла сразу в объятья
Мою бедную голову и километры речей;
Мы сидели покрытые Божьей тугой благодатью,
Ощутимой физически так же, как дождь и ручей.

Схимонахиня, бабушка, дева моя вековая,
Ты не знала достатка, тянула натруженный воз.
Но была ты свидетелем, словно икона живая,
Из которой глядел с бесконечной любовью
Христос.

ТУРИНСКАЯ ПЛАЩАНИЦА

Склоняюсь над Туинской плащаницей:
Красивым был. Таким красивым был...
Подъёмы скул, изящество десницы,
Закрытых век законченный посып,
Каскад волос, что вдоль лица струится...

Прекрасный телом, на день смертный Бог...
В переложенье стал непостижимым
Конечным пунктом всяческих дорог.
Как дорого сегодня быть любимым!
На каждом перепутье ждёт налог,
Созвездий сонм грозит неисчислимым.
Ужасно, если б Он меня забыл(!),
Но нет - пешком заставил потрудиться,
Со встречным ветром, налегке, без крыл.

ЖАВОРОНКИ

На Стретенье мы выпекали птиц –
Запахи теста, всхлип яиц, глазки-изюмины...
Бабушкин струнный голос
Вибрирует в тон рассказу:
- Христос лепил воробьев из грязи,
Из мокрой глины, что у ворот.
Вот птицы ожили и улетели,
Так Ему захотелось...

Я мечтаю, а птицы в ряд
Сели в печку на противень.
Наши точно не улетят,
Мы съедим их сегодня

ТРОИЦА

Пахнет березой, как в бане,
Зелено нынче в храме.

Детские ручки, старушечьи лапки
Крепко сжимают цветные охапки,
Все улыбаются.

Стараюсь сосредоточиться на молитве,
Священник просит для нас даров.

Мы, похожие на волхвов,
Силимся поклониться.

Мы, истцы и истицы,
Просим небесной радости,
Всяческой в жизни сладости;
Не замечая, что вот, радость уже течет,
Так же, как в детстве, где все, кто нужен,
Любят тебя, и мир загружен
Новым, приятным, законным чудом...
После греха мы его забудем.

Только сейчас, в первозданном свете,
Освободившись на миг от страсти,
Мы – прибежавшие к дому дети,
Где наш Отец приготовил праздник.

.....

МОЙ ДРУГ

I

Узнать, что с неудачей мы - родня,
От девушки в неоновой рекламе.
Из Инстаграма смотрят на меня
В салонах отрихтованные мамы
С чужими гениальными детьми.
(Которые, конечно, не мои –
За это прям чувствительно обидно),
Мои грубыят и любят пестициды,
И что ещё там в зимних огурцах.
Подходит сетевой обманный страх:
«Ты хуже всех». Окей, я буду хуже,
Я буду с тем, кто никому не нужен,
Кто не похож на рыцарей из сказок,
И имя у него чудно'е - Лазарь.

II

Мой друг - изгой с горячим влажным взглядом,
Богач пройдёт, пихнув его ногой,
«Когда вы передохните!» Не надо
Нас торопить, и так идём домой.
Ещё немного, мы почти у цели,
Ещё чуть-чуть и в двери постучим -
Лес полуголый, годы облетели,
В трёх десятинах ждёт Ершалайм.
Вот древние ворота, страж крылатый,

Меч огненный, блистающий на латах...
Я понимаю, что к чему, боюсь...
Тут Лазарь говорит: «Не дрейфь, подруга!
Сейчас я обо всём договорюсь»,
И мы проходим сквозь барьер упругий.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

душа летает пока я сплю
чертит рассвет с синицами
снится мне тот кого я люблю
что за огромные птицы рядом
он отвечает смотри в глаза
на образах такие же... ангелы
не улетай в слезах погоди ещё
ангелы чтоб вам меня забрать
легкую словно ветка
те отвечают опухла мать
деток себе простишь нет
и пинают не продышать
вас безбилетных тыщи
с облака белого на кровать тыдыщ

«Дух праздности, уныния не дажь ми».
День тянется как медленный обоз...
Куда я ехал, что с собою вёз?
«Дух праздности, уныния не дажь ми».
Один стою, один потоки слез
Здесь проливаю, с целым миром в тяжбе...
«Дух праздности, уныния не дажь ми».
День тянется как медленный обоз -
По скользким кочкам сдавшейся зимы,
Где темный лёд до мая в землю врос,
Закат с обеда, по обед светает...
А Дух Святой терпенья и любви,
Как бабочка, присевшая на нос,
Едва коснувшись, тут же улетает.

ИЕЗЕКИЛЬ

«Я приведу в сокрушение блудное сердце их, отпавшее от Меня, и глаза их, блудившие вслед идолов; и они к самим себе почувствуют отвращение за то зло, какое они делали во всех мерзостях своих; и узнают, что Я Господь; не напрасно говорил Я, что наведу на них такое бедствие».

Вы, потомки кровавых жен,
Вырезавших своих детей
В чреве, чтобы продолжить гон, -
Уцелели, но стали злей
Ваших самок! Открытый рот
Изрыгает то брань, то ложь;
Вы, герои наоборот,
Продаетесь за медный грош,
За иллюзию! Что с того,
Что за вами стоит Мой враг?
Вы, «свободные от оков»,
Поднимаете грех, как флаг.
Войны в воздухе, гей парад,
Сребролюбцев и трутней рать;
Но созреет Мой виноград
И Я выйду его собрать!
Разотру начертанье Зверя,

Вас, проливших повсюду кровь!!!

.....

Дети, кайтесь, проходит время...

Возвратитесь в Мою Любовь.
